

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Иванъ
ХЕМНИЦЕРЪ

Басни

ImWerdenVerlag
München 2006

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТАФИЗИКЪ.....	3
ЧУЖАЯ БЪДА.	4
СТАТУЯ.	4
БУКВЫ.....	5
СОБАКА И МУХИ.	6
ДУРАКЪ И ТЪНЬ.	6
ХУЛИТЕЛЬ СТИХОТВОРСТВА.	6
ОСТЯКЪ И ПРОЪЗЖИЙ.	7
КОШКА.	8
СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ.	8
БОГАЧЪ И БЪДНЯКЪ.....	9
ЛЪВИНЫЙ УКАЗЪ.....	10
ЗАЯЦЪ, ОБОЙДЕННЫЙ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ.	11
ДВОРОВАЯ СОБАКА.....	12
ВЕЛИКАНЪ И КАРЛИКИ.....	13
ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.....	13
ЖЕЛАНІЕ КОЩЕЯ.	14
ПАУКЪ И МУХИ.....	14
ЧЕРВИ.....	15
ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА.....	15

МЕТАФИЗИКЪ.

Отецъ одинъ слыхалъ,
Что за море дѣтей учиться посылають
И что вообще того, кто за моремъ бывалъ,
Отъ небывалаго отмѣнно почитаютъ,
Затѣмъ, что съ знаніемъ такихъ людей считаютъ:
И, смотря на другихъ, онъ сына то-жъ послать
Учиться за море рѣшился:
Онъ отъ людей любилъ не отставать,
Затѣмъ, что былъ богатъ. Сынъ сколько-то учился,
Да сколько ни былъ глупъ, глупѣе возвратился.
Попался на руки онъ школьнымъ тѣмъ вралямъ,
Которые съ ума не разъ людей сводили,
Неистолкуемымъ давая толкъ вещамъ,
И малаго не научили,
А навѣкъ дуракомъ пустили.
Бывало, глупости онъ попросту болталъ,
Теперь ученостью онъ толковать ихъ сталъ.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А нынѣ разумѣть и умные не стали;
Домъ, городъ и весь свѣтъ враньемъ его скучалъ.

Въ метафизическомъ бѣснуясь размышленьи
О заданномъ одномъ старинномъ предложеньи:
Сыскать начало всѣхъ началъ,
Когда за облака онъ думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И в ровъ попалъ.
Отецъ, который съ нимъ случился,
Скорѣ бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;
А думный, между тѣмъ, дѣтина,
Въ той ямѣ сидя, разсуждалъ:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и въ этотъ ровъ попалъ?
Причина, кажется, тому землетрясенье:
А въ яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье...»
Отецъ съ веревкой прибѣжалъ.
«Вотъ», говорить, «тебѣ веревка: ухватися.

Я потащу тебя; смотри, не оборвися». — Нѣтъ, погоди тащить; скажи мнѣ напередъ: Вережка вещь какая?

Отець хоть былъ и не ученъ,
Да отъ природы былъ умень.
Вопросъ дурацкій оставляя,
«Вережка вещь», сказалъ «такая,
Чтобъ ею вытащить, кто въ яму попадетъ».
— На это-бъ выдумать орудіе другое.
А это слишкомъ ужъ простое.
«Да время надобно», отецъ ему на то:
«А это, благо, ужъ готово».
— А время что?
«А время вещь такая,
Которую съ глупцомъ не стану я терять.
«Сиди», сказалъ отецъ, «пока приду опять».
Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать?..
Да яма надобна большая!

ЧУЖАЯ БѢДА.

Ужли чужой бѣдѣ не должно помогать?
Мужикъ везъ сѣна возъ на рынокъ продавать.
Случился косогоръ: возъ на бокъ повалился.
Мужикъ ну возъ приподымать
И очень долго съ возомъ бился,
Да видитъ, одному не совладать:
Прохожихъ въ помощь призываетъ,
Того, другого умоляетъ.
Тотъ мимо и другой,
Всякъ про себя ворчить: «Да что-ста, возъ не мой,
Чужой!»

Услуга никогда въ потерю не бываетъ.

СТАТУЯ.

Художникъ нѣкакій, рѣзчикъ,
Въ художествѣ своемъ и славенъ и великъ,
Задумалъ вырѣзать статую
Таковую,
Которая-бъ могла ходить
И говорить

И съ виду человекѡмъ быть.
Рѣзчикъ статую начинаетъ,
Все мастерство свое рѣзчикъ истощеваетъ.
Статуя движется, статуя говоритъ
И человекскій во всемъ имѣетъ видъ;
Но все статуя та не человекъ, — машина:
Статуя дѣйствуетъ, коль дѣйствуетъ пружина
Статуѣ нравственной души недостаетъ.

Искусствомъ чувствъ не дашь, когда природныхъ нѣтъ.

БУКВЫ.

Чтобы ученыхъ отучить
Въ пустыхъ словахъ искать и тайну находить,
Которую они по ихъ рѣчамъ находятъ
И, сумасбродствуя, другихъ въ безумство вводятъ,
 Не помню, царь земли какой
 Ихъ шуткой осмѣялъ такой.
Подъ городомъ однимъ развалины стояли,
 Остатки башенъ городскихъ,
 А около отломки ихъ,
 Землей засыпаны, лежали.
На сихъ обломкахъ царь, ученымъ въ искушенье
 Изсѣчь по буквѣ приказалъ,
 Потомъ тѣ буквы на рѣшенье
За рѣдкость по своимъ ученымъ разослалъ,
 «Посмотримъ», царь сказалъ,
«Какое выведутъ ученые значенье,
 Ужъ то-то толки тутъ
 Пойдутъ!»
И подлинно, пошли: хлопчутъ, разбираютъ,
 Чтобъ тайный смыслъ найти словамъ.
Разсылка буквъ по всѣмъ ученымъ и землямъ;
Всѣ академіи къ рѣшенью приглашаютъ;
Записки древности, архивы разбираютъ;
Газеты даже всѣ о буквахъ говорятъ;
Ребята всѣ объ нихъ и старики твердятъ;
Но мрачность древности никто не проникаетъ.
Царь, наконецъ, хотѣлъ ихъ глупость обличить:
Всѣмъ приказалъ къ себѣ своимъ ученымъ быть,
И заданныя самъ имъ буквы объясняетъ.
Весь смыслъ неразрѣшимыхъ словъ
Былъ тотъ: здѣсь водопой ословъ.

СОБАКА И МУХИ.

Собака ловить мухъ, однако, не поймаетъ
И глупая не разсуждаетъ,
 Что муха, вѣдь, летаетъ
И что поймать ее пустое затѣваетъ.
Лови, собака, то, что сыщешь подъ ногой,
Не то, что надъ твоей летаетъ головой.

ДУРАКЪ И ТѢНЬ.

Я видѣлъ дурака такого одного,
Который все гнался за тѣнію своею,
Чтобы поймать ее, да какъ? бѣгомъ за нею.
 За тѣнью онъ, тѣнь отъ него.
Изъ жалости къ нему, что столько онъ трудится,
Прохожій дураку велѣлъ остановиться:
«Ты хочешь», говоритъ ему онъ, «тѣнь поймать;
Да ты надъ ней стоишь, а чтобъ ее достать,
 Лишь только стоитъ наклониться».
Такъ нѣкто въ счастіи да счастія-жъ искалъ,
И также этому не знаю, кто сказалъ:
 «Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняся за нимъ, его теряешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
 Остановись своимъ желаньемъ
И будь доволенъ состояньемъ,
 Въ которомъ ты живешь».

ХУЛИТЕЛЬ СТИХОТВОРСТВА.

Бесѣдѣ гдѣ-то быть случилось такой,
Гдѣ занимались тѣмъ иные, что читали
 И о наукахъ толковали,
Другіе, что себя шутами забавляли,
 Которыхъ привели съ собой:
Къ чему кто склоненъ былъ. Зашло въ бесѣдѣ той
 И о стихахъ какихъ-то разсужденіе,
Изъ денегъ писанныхъ кому-то на рожденіе.
Одинъ въ бесѣдѣ той, охотникъ до шутовъ,
А ненавистникъ всѣхъ наукъ и всѣхъ стиховъ,
Въ углу сидѣвъ, туда-жъ пустился въ разсужденіе:

«Да что! и всѣ стихи хоть вовсе-бѣ не писать!»
Другіе на него лишь только посмотрѣли
И какъ бы внутренно, что онъ дуракъ, жалѣли.
Сказавши глупость ту, онъ сталъ еще шпынять
Надъ бывшимъ тутъ однимъ писателемъ достойнымъ
И голосомъ своимъ спросилъ его нестройнымъ:
«И вы, вѣдь, любите стихи же сочинять?»
«Такъ», отвѣчалъ другой: «люблю стихи писать,
Однако же, не площадные,
А только я пишу такіе,
Гдѣ дураковъ могу сатирой осмѣять».

ОСТЯКЪ И ПРОѢЗЖІЙ.

Что и въ умѣ, когда душа
Нехороша?
Народовъ дикихъ насъ глупѣе быть считаютъ,
Да добрыхъ дѣлъ они насъ больше исполняютъ;
А это Остякомъ хочу я доказать
И про него такой поступокъ рассказать,
Который бы его изъ рода въ родъ прославилъ,
А больше подражать ему бы насъ заставилъ.
У Остяка земли чужой наследникъ *) былъ,
Который отъ него какъ въ путь опять пустился,
То денегъ сто рублевъ дорогой обронилъ
И прежде не хватился,
Пока ужъ далеко отъѣхалъ онъ впередъ.
Какъ быть? назадъ ли воротиться?
Искать ли ихъ? и гдѣ? и кто въ томъ поручится,
Чтобъ ихъ опять найти, а время пропадетъ.
«Давно ужъ, можетъ быть», проѣзжій разсуждаетъ,
«Ихъ поднять кто-нибудь». И такъ свой путь впередъ
Съ великимъ горемъ продолжаетъ.
Сынъ Остяка, почти что за проѣзжимъ вслѣдъ
Съ двора пошедши за звѣрями,
Идя нечаянно проѣзжаго слѣдами,
Мѣшокъ, который тотъ дорогой обронилъ,
Нашелъ, принесъ къ отцу. Не зная, чей онъ былъ,
Отецъ сберегъ его, съ тѣмъ, ежели случится
Хозяину когда пропажи той явиться,
Чтобы ее отдать.
По долгомъ времени опять
Проѣзжій тою же дорогой возвратился
И съ Остякомъ разговорился,
Что деньги, отъ него онъ, ѣхавъ, потерялъ.
«Такъ это ты!» Остякъ отъ радости вскричалъ:

*) Наследникъ — ночлежникъ.

«Я спряталъ ихъ. Пойдемъ со мною,
Возьми ихъ самъ своей рукою».

Въ Европѣ сто рублейъ гдѣ можно обронить
И думать, чтобъ когда назадъ ихъ получить?

КОШКА.

Жить домою, говорятъ, — нельзя безъ кошекъ быть.
Домашняя нужна полиція такая
 Не меньше, какъ и городская:
Зло надобно вездѣ стараться отвратить.
И взяли кошку въ домъ, чтобы мышей ловить,
 И кошка ихъ ловила.
 Хозяйка дому, должно знать,
 Птиць разныхъ при себѣ держать
 Любила.
Что-жъ? кошка, будучи блудлива тварь, съ мышей
 На ловлю птичекъ напустила
 И на ряду съ мышами ихъ душила.
За это ремесло свернули шею ей:
«Ты въ домъ взята была», хозяйка говорила,
 «Не птицъ ловить, — мышей».

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖЪ.

Дѣтина по уши въ красавицу влюбился
И, наконецъ, во что-бъ ни стало то, рѣшился
 Имѣть ее женой.
Не даромъ столько онъ красавицей плѣнился.
Красавицы еще не видано такой.
 Да полно, вотъ бѣды какія:
Обыкновенно ужъ красавицы такія,
 Что каждый, думаю, узналъ,
 Кто въ этомъ случаѣ бывалъ:
 Чѣмъ болѣе ихъ обожаютъ,
Тѣмъ болѣе онъ суровыми бываютъ.
Дѣтина этотъ то-жъ ужъ очень испыталъ.
Три года по своей красавицѣ вздыхалъ,
 Стеналъ, страдалъ,
 Терзался, рвался и крушился,
Однако же, не могъ никакъ ее склонить,
Чтобы любовь къ себѣ взаимну получить.

Что-жь, съ грусти, наконецъ, онъ странствовать пустился,
 И для красавицы (что можетъ злѣе быть!)
 Въ дорогъ съ бѣсомъ подружился
 И письменно договорился
 Во услуженіи его два года жить,
 Чтобы красавицу въ жену лишь получить.
 У бѣса тотчасъ все съ дѣтиною рѣшилось:
 Рукописанье бѣсъ беретъ,
 И слово честное дѣтинѣ бѣсъ даетъ;
 А что обѣщано, и дѣломъ совершилось.
 Хоть бѣсъ обыкновенно лжетъ,
 Однако, тутъ сдержалъ, что сказано имъ было.
 И время трехъ недѣль еще не проходило,
 Какъ для дѣтины день счастливый наступилъ:
 Красавицу свою въ жену онъ получилъ.
 Но что-жь? — и двухъ недѣль съ женой не проживаетъ,
 Ужъ бѣса въ помощь призываетъ.
 «Ахъ!» говоритъ ему: «не вѣдаешь всего
 Ты горя моего:
 Два года я тебѣ служить, вѣдь, обѣщался,
 Когда красавицы тобой я домогался;
 Но нѣтъ, избавь меня ты отъ нея, избавь,
 А къ услуженію хоть годъ еще прибавь».
 Но бѣсъ той просьбы не внимаетъ.
 А молодой
 Вдобавокъ чорту годъ, вдобавокъ и другой,
 И къ году годъ еще къ услугамъ прибавляетъ.
 «Хоть тяжело», говоритъ, «у чорта быть слугой,
 Однако, легче все, чѣмъ съ злою жить женой».

БОГАЧЪ И БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
 Тотъ каждому и другъ, и братъ,
 Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
 И будь скотина;
 И кто бы ни былъ ты таковъ,
 Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
 Дѣтина будешь, какъ дѣтина;
 А бѣдный будь хоть изъ князей,
 Хоть разумъ ангельскій имѣй
 И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей, —
 Того почтенья не дождется,
 Какое богачу всегда ужъ воздается.
 Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
 Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
 Но бѣдняка никто не только что не встрѣтилъ,
 Ниже никто и не примѣтилъ,

Иль, можетъ быть, никто примѣтитъ не хотѣлъ.
Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому подходитъ,
Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ,
Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ
Короткое иль да, иль нѣтъ.
Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не находитъ;
Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отходитъ.
Потомъ,
За бѣднякомъ,
Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ,
И не имѣлъ богачъ сей ни заслугъ, ни чина,
И былъ прямая онъ скотина.
Что-жь? богачу, сказать нельзя, какой пріемъ!
Всѣ встали передъ богачомъ;
Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ,
Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ,
И подъ руки его берутъ,
То тутъ,
То тамъ его сажаютъ,
Поклоны чуть ему земные не кладутъ
И мѣры нѣтъ, какъ величаютъ.
Бѣднякъ, людей увидя лестъ,
Къ богатому неправу честь,
Къ себѣ неправое презрѣнье,
Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ разсужденье.
«Возможно-ль», говоритъ ему,
«Что такъ людей богатство ослѣпляетъ.
Достоинства того, кто бѣденъ, получаетъ,
А кто богатъ, того пороки прикрываетъ?
Куды, какъ это огорчаетъ!»
— Дивишься ты чему! —
Другой на это отвѣчаетъ: —
Достоинствъ, вѣдь, займы не ищутъ никогда,
А денегъ — всегда.

ЛЪВИНЫЙ УКАЗЪ.

«Такое-то число и годъ,
По силѣ даннаго велѣнья,
Рогатый крупный, мелкій скотъ
Имѣеть изгнанъ быть изъ лъвинаго владѣнья,
И долженъ выходить не въ сутки, въ одинъ часъ».
Такой объявленъ былъ лъвомъ пагубный указъ,
И всѣ повиновались:
Отправился козель, бараны въ путь собирались,
Олень и волъ и всѣ рогатые скоты.
«А ты, косою, куды?»
— Ахъ, кумушка, бѣды! —

Трусливый зайчикъ такъ лисицѣ отзывался,
А самъ совался
И метался:
— Я видѣлъ тѣнь ушей моихъ;
Боюсь, сочтутъ рогами ихъ
Министры львины. Ахъ! зачѣмъ я здѣсь остался?
Опаснѣйшими ихъ рогами обнесутъ.
— «Ума въ тебѣ не стало: это уши!»
Лисица говорить. — Рогами назовутъ:
Пойдутъ и уши тпруши. *)

ЗАЯЦЪ, ОБОЙДЕННЫЙ ПРИ ПРОИЗВОЖДЕНИИ.

Случилось у льва въ чины произвожденье.
За службу должно награждать,
Но я хочу сказать,
Что злоупотребленье
И въ скотской службѣ есть.
«Ну, какъ безъ огорченья
Возможно службу несть,
Когда достоинство всегда безъ награжденья?»
Такъ заяцъ говорилъ
(Обиженъ заяцъ былъ
И обойденъ считался):
«Я предъ лицомъ служу, а зайцемъ же остался!
Медвѣдь сталъ господинъ,
И волка наградили;
Лисицу черезъ чинъ
Судьею посадили
Въ курятникѣ рядить:
Случится же судью такъ кстати посадить!
А гдѣ они служили?
Край свѣта, на войнѣ; и то
Не вѣдаетъ еще никто,
Что били ли они, или самихъ ихъ били.
А я,
Хотя не воинъ,
Хотя и не судья.
Извѣстна служба льву моя:
Извѣстно, я чего достоинъ».
— Да гдѣ ты, другъ, служилъ? —
Барсукъ его спросилъ.
— «Передъ самимъ царемъ два года съ половиной
Я всякій день шутилъ;
А онъ меня сравнилъ
Теперь съ другой скотиной,
Котора ничего не дѣлала нигдѣ!»

*) Тпруши — зовъ коровы, слѣдовательно, намекъ на рога.

— Ты шутствовалъ вездѣ,
И чиномъ наградить тебя бы было должно;
Твой также трудъ не малъ! —
Барсукъ ему сказалъ: —
Но произвести тебя по службѣ невозможно:
Ты знаешь, вѣдь, мой свѣтъ,
Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ.

ДВОРОВАЯ СОБАКА.

Жила у барина собака на дворѣ
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ, бывало, жилъ чернецъ въ монастырѣ,
Всего же болѣ,
Что жить могла на волѣ.
Сосѣдъ, который въ домъ къ боярину ходилъ,
Собаку эту полюбилъ,
Да какъ достать ее, не знаетъ:
Просить боярина объ ней онъ не хотѣлъ,
Украсть ее — бездѣльствомъ счелъ.
«Нѣтъ, надобно», онъ разсуждаетъ,
«Скромнѣе поступить,
И тонкимъ образомъ собаку ту сманить».
Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ,
И всякій разъ, когда, бывало, ни придетъ,
Рѣчь о собакѣ заведетъ:
При ней самой ее какъ можно выхваляетъ,
А барину пенячь начнетъ,
Что содержаніе ей у него худое:
«Нѣтъ, у меня житье ей было-бъ не такое;
Иного я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,
Да этой бы собакѣ далъ;
Всегда бы спать съ собою клалъ.
А у тебя она лишь кости подбираетъ
И какъ случится спить!»
Все, что сосѣдъ ни говоритъ,
Собака правдою считаетъ
И думаетъ: «Что? можетъ быть, и впрямь
Еще мнѣ лучше будетъ тамъ,
Хоть хорошо и здѣсь... отвѣдать бы пуститься;
А худо — и назадъ, вѣдь, можно воротиться».
Подумала, да и съ двора долой,
Къ сосѣду прямо прибѣжала.
Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяць, и другой,
Не только что куска того не получала,
Котораго, сосѣдъ сказалъ,
Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ, —
И костью съ нуждою случится

Собакѣ въ праздникѣ поживиться.
Спать — хуже прежняго спала,
А сверхъ того еще привязана была.
И подѣломъ: зачѣмъ сбѣжала?
Впередъ, собака, знай, когда еще не знала,
Что многіе умѣютъ мягко стлать,
Да жестко спать.
Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ
И отъ добра добра не ищутъ.

ВЕЛИКАНЪ И КАРЛИКИ.

Купались карлики. Къ нимъ великанъ пришелъ,
Который тожъ хотѣлъ
Купаться,
Да видитъ, для него рѣка
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они купаются, мелка.
Ихъ спрашивать и добиваться:
Не знаютъ ли, гдѣ глубина?
«Поди туда», ему сказали:
«Вотъ тамъ она».
И мѣсто указали.
Однако же, рѣка
Для великана все мелка,
Чтобы купаться.
Еще у нихъ онъ добиваться!
«Ну!» говорятъ: «такъ тамъ такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы черезъ это мѣсто плыли».
Но, все, гдѣ карлики и дна не находили,
Въ бродъ переходитъ великанъ.
Иному и въ дѣлахъ лужайка — океанъ.

ВОЛЧЬЕ РАЗСУЖДЕНЬЕ.

Увидя волкъ, что шерсть пастухъ съ овецъ стрижетъ,
«Мнѣ мудрено», сказалъ: «и я не понимаю,
Зачѣмъ пастухъ совсѣмъ съ нихъ кожу не деретъ.
Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю
И то-жъ въ иныхъ дворахъ господскихъ примѣчаю.
Зачѣмъ бы и ему не такъ же поступать?»
Слонъ, волчье слыша рассужденье,
«Я долженъ», говоритъ, «тебѣ на то сказать:
Ты судишь такъ, какъ волкъ, а пастухово мнѣнье —
Овецъ своихъ не убивать.
Съ тебя, да и съ господъ иныхъ примѣры брать,

Не будетъ, наконецъ, съ кого и шерсть снимать».

ЖЕЛАНІЕ КОЩЕЯ.

«Вотъ эту-бъ тысячу мнѣ только докопить,
А тамъ ужъ стану я довольствуясь жить»,
Сказаль кощей, давно ужъ тысячи имѣя.
Сбылось желаніе кощей,
И тысячу онъ докопиль;
Однако же, кощей все недоволенъ былъ.
«Нѣтъ, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, болѣе желать не стану».
Увидимъ. Тысячу и эту онъ досталь,
Однако, слова не сдержаль
И тысячу еще желаетъ,
Но ужъ послѣднюю, въ томъ точно увѣряетъ.
Теперь онъ правду говорилъ:
Сегодня тысячу и эту докопиль,
А завтра умеръ онъ, и все его имѣнье
Досталось по немъ другимъ на расточенье.

Когда-бъ кощей иной,
Доходъ приумножая свой,
Еще сегодня догадался,
И пользоваться имъ старался!

ПАУКЪ И МУХИ.

«Постой, паукъ сказалъ:
Я чаю, я нашель причину,
Зачѣмъ еще большой я мухи не поймалъ,
А попадаетъ все мелочь: дай, раскину
Пошире паутину;
Авось-либо тогда поймаю и большихъ».
Раскинувъ, наживаетъ ихъ:
Все мелочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ,
Прорвется и сама, и паутину мчитъ.

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда, —
Вотъ, напрімѣръ, большой, хотъ въ кражѣ попадетъ,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда;
А маленькій наказанъ остается!

ЧЕРВИ.

Прекраснымъ садомъ кто-то шель
И въ немъ гнѣздо червей нашель.
А черви — гадина такая
Въ саду, какъ язва моровая.
 Какъ недуговъ такихъ
Найти и не напасть на нихъ?
Не вытерпишь никакъ, чтобъ саду не вредили.
 И тотъ, кто по саду ходилъ,
 Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.
 Лишь только ихъ разворошили,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будто бы войной противъ нея пошли:
 На палку куча наступала,
А палка, между тѣмъ, все кучу разрывала.
 Сатирой тронъ дурныхъ писцовъ,
 Не оберешься бранныхъ словъ.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА.

Въ неволѣ неутѣшно быть:
 Какъ не стараться
 Свободу получить?
Да надобно за все подумавъ приниматься,
Чтобы бѣды большой отъ малой не нажать.

Собака привязи избавиться хотѣла
 И привязь стала-было рвать;
Не рвется привязь: грызть ее... и переѣла.
 Но тою-жъ привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежняго собаку привязали.